

Инок Максим (Смирнов)

НЕ УХОДИ ИЗ ЖИЗНИ

Как
удержать
от греха
самоубийства?

§
САТИСЬ
ДЕРЖАВА
Санкт-Петербург
2007

*По благословению Митрополита Санкт-Петербургского
и Ладожского ВЛАДИМИРА*

Автор брошюры — насельник Рождества Богородицы Свято-Пафнутьева монастыря. Проблема самоубийства является настоящим бедствием, проклятием нашего времени. По убеждению автора, молчать об этой проблеме сегодня нельзя, нужно искать духовные причины этой беды, искать пути ее преодоления. И только Церковь может наполнить светом и надеждой этот страшный, черный провал в современном самосознании.

Работа написана по благословению схиигумена Илия Оптинского.

ISBN 5-7373-0074-9

© Инок Максим (Смирнов), текст, 2006 ©

Издательство «Сатись», 2006

«В те дни люди будут искать смерти, но не найдут ее; пожелают умереть, но смерть убежит от них» (Ап. 9, 6).

Опасно и бесполезно, как считают святые отцы Церкви, «исследовать глубины сатанинские». Само прикосновение к скверне уже неизбежно оскверняет душу человека. Именно по этой причине православная литература весьма скупо касается темы суицида. Тем не менее, главное на эту тему сказано и, прежде всего, в комментариях святых отцов по поводу самоубийства Иуды: самоубийство есть высшая форма гордости, восстание против Бога, отрицание Его премудрости и неверие в Его любовь, или еще точнее: самоубийство — это грех хулы на Духа Святого, который, как говорил Спаситель, не простится ни в этом, ни в будущем веке. Самоубийство является столь тяжким грехом, свидетельствующим об окончательной гибели души, что церковная практика еще с древних времен лишала самоубийц христианского погребения и молитвенного поминовения в Церкви. Самоубийцу даже хоронили вне кладбища — за оградой, и лишь самым близким родственникам, да и то по особому благословению, разрешалось молиться за них келейно. Душа самоубийцы, по учению святых отцов, обречена на вечные страдания, и молитва за нее небезопасна.

Случаи самоубийства были, наконец, настолько редки, что нужды в суицидологии, т.е. науке о самоубийстве, практически не было.

Христианство являлось той мощной плотиной, что на протяжении почти двух тысячелетий сдерживала неукротимый поток греховности, постепенно разрушавший природу человека. Но начиная с эпохи Возрождения, христианские устои человеческой цивилизации стали постепенно ослабевать — сначала на Западе, а позднее и у нас, в России. Процесс расцерковления культуры нес иные идеалы, иное видение мира. И одной из главных идей Нового времени была идея прогресса, осуществимого, якобы, лишь при условии освобождения человечества от «устаревших» форм христианской культуры и жизни. Новая эпоха сознательно противопоставила себя христианству, провозгласив свободу от ограничений и запретов, налагаемых Церковью на определенные проявления человеческой деятельности и сознания. Эти ограничения Церковь налагала, исходя из богооткровенного знания всей глубины поврежденности человеческой природы. Словом, на место христианского трезвения пришла эпоха вседозволенности с ее поощрением всех форм греха. На смену христианской культуре теперь приходит культура антихристианская, а православную духовность постепенно вытесняет духовность откровенно демоническая и породившая, в итоге, этот феномен — массовую эпидемию самоубийств. И мы сейчас переживаем время небывалого распространения зла в мире, когда рушатся последние барьеры на пути стремительного потока греха и ослабевают силы духовного сопротивления и самосохранения

человека. Священное Писание свидетельствует, что последние дни существования отступившего от Христа человечества будут протекать под знаком самоуничтожения. «В те дни люди будут искать смерти, но не найдут ее; пожелают умереть, но смерть убежит от них» (Ап. 9, 6). Таков предел раскрепощения греховных наклонностей людей, критическая точка разлития греха и зла в мире.

Масштабы эпидемии самоубийств сегодня воистину устрашают. «После распада СССР, — как пишется в одной из публикаций на эту тему, — стало очевидным фактом, что во всех европейских государствах, возникших на его территории, уровень самоубийств является самым высоким в мире, а проблема саморазрушающего поведения с каждым годом принимает все более угрожающие, эпидемические масштабы... Согласно критериям Всемирной организации здравоохранения, психическое здоровье нации находится под угрозой, если количество суицидов превышает 20 случаев на 100 тыс. населения»¹... «Согласно современным статистическим данным, в России ежегодно регистрируется 37,8 случаев суицида на 100 000 населения. Для сравнения: в США эта цифра колеблется от 10 до 13... В современном мире смертность от самоубийств более чем в три раза превышает смертность от автомобильных катастроф. Возрастная ось суицида сместилась в сторону 24-х и даже 15-

¹ По материалам сайта narod.ru: Статьи, посвященные проблеме суицида. Серенко А. Нереализованная ненависть к миру, с.

2. Источник: <http://ns.ng.ru/regionv/01/g001w74.htm>.

летних уже с конца 60-х годов нашего века, причем в наиболее благополучных с экономической точки зрения странах, таких как США, Австрия, Швейцария, Германия, Голландия, Англия, Австралия и Япония»². «Статистические показатели по суициду в мире впечатляющи: каждый год полмиллиона землян самовольно расстаются с жизнью; лидируют такие страны, как Латвия, Литва, Эстония, Венгрия, Россия — однако не отстают от них США и Канада, Япония и Шри-Ланка»³.

Словом, масштабы эпидемии таковы, что замалчивать проблему суицида становится уже невозможно. Если раньше, когда случаи самоубийства были крайне редки, церковные писатели не касались этой темы из соображений духовной гигиены, то теперь появилась необходимость, продиктованная теми же самыми соображениями, в изучении законов развития и проявления этой страшной духовной болезни. В наши дни эта проблема становится особенно актуальной и к ней обращается все большее число исследователей, особенно на Западе.

Большинство научных работ по суициду ограничивается рамками эмпирического описания фактов, а тайна самоубийства, по признанию самих ученых, при таком подходе непостижима; «понять глубинные причины роста самоубийств

2

По материалам сайта [«narod.ru»](http://narod.ru): Статьи, посвященные проблеме суицида. Философский анализ суицида под углом зрения взаимоотношения человека с искусственной средой.

³ По материалам сайта [«narod.ru»](http://narod.ru): Статьи, посвященные проблеме суицида. Красенкова И.П. Судьба и свобода в сфере самонасилия (или искушение суицидом).

невозможно, не вглядываясь в духовные факторы — незримые опоры человеческого бытия, и... разгадка проблемы самоубийства кроется, главным образом, не в материальном быте»⁴. Книг по суицидологии выходит все больше, но наука по-прежнему не знает ответа на главный вопрос: почему люди кончают жизнь самоубийством, что запускает в человеке механизм саморазрушения? «У суицида свои законы, которые мы можем констатировать, но не в силах объяснить»⁵, — утверждает психология.

Наука не идет дальше внешнего описания явлений. Но все-таки научно добросовестное исследование фактов по-своему обогащает наши знания о духовной природе человека. И главная ценность таких исследований, как нам кажется, заключается в том, что они, несмотря на свою индифферентность к вопросам религии, непроизвольно, сами того не желая, подтверждают существование духовных законов, на которые всегда указывало Православие и которые игнорировались или, в лучшем случае, недооценивались современным сознанием. Именно по причине этой своей «непредвзятости» и «незаинтересованности» они служат лучшим подтверждением истинности христианской антропологии.

⁴ По материалам сайта [«narod.ru»](http://narod.ru): Статьи, посвященные проблеме суицида. Почему мы убиваем себя, или Почему мы себя не убиваем.

⁵

По материалам сайта [«narod.ru»](http://narod.ru): Статьи, посвященные проблеме суицида. Гужева Н. Сказки на ночь из, «Собеседника». Источник: <http://www.sobesednik.ru/weekly/56/investigation/1024.phtml>.

И одним из таких научно добросовестных исследований является книга ведущего американского суицидолога Эдвина Шнейдмана «Душа самоубийцы». Эта книга интересна, прежде всего, своей попыткой проникнуть в душу самоубийцы. Многолетние работы ученого в этой области позволили ему вычленить десять психологически устойчивых характеристик, присущих всем самоубийцам в 95 случаях из 100.

Укажем некоторые из них. Вот главная особенность самоубийства по Шнейдману: «Почти во всех случаях к нему приводит боль — ее особый вид — психическая или душевная боль...»⁶ «Некоторые люди живут в состоянии непрекращающейся муки. Страдание, беспокойство или смятение вызываются болью, иногда физической, но чаще душевной. [Именно] душевная боль является основной составляющей самоубийства...»⁷ «Таким образом, боль можно считать квинтэссенцией самоубийства. Суицид является уникальной человеческой реакцией на невыносимую душевную боль — боль, порожденную человеческим страданием...»⁸

Здесь нужно отметить, что автор делает акцент на чисто психологическом или душевном характер этой боли. И, как бы отвергая привычное научное представление о том, что психические явления почти целиком сводятся к функционированию клеток головного мозга и поэтому могут как-то фиксироваться приборами,

⁶ Эдвин Шнейдман. Душа самоубийцы. Москва, Смысл. 2001. С. 124.

⁷ Там же. С. 127-128.

⁸ Там же. С. 266.

он пишет, что «никакой детальный анализ электрофизиологической активности головного мозга не может снабдить нас реально важными сведениями о драме страстей, происходящей в душе»⁹. Ученый даже специально задерживается на проблеме измерения интенсивности физической боли, чтобы показать, что это «...не та боль, которая сопровождает большинство самоубийств»¹⁰. Многие люди испытывают жестокие и даже крайне мучительные страдания, выживая после этого и не помышляя при этом о самоубийстве, и если порой у людей, больных, скажем, раком или СПИДом иногда и появляются мысли о самоубийстве, то причиной этому является опять же не физическая, а именно психическая боль, связанная с переживаниями по поводу собственной неполноценности или с состоянием тревоги.

Именно в силу нематериальной природы этой боли невозможно измерить ее интенсивность. Но характерно здесь вот что: она воспринимается самим суицидентом как непереносимая. «Когда возникает эта боль, — пишет Шнейдман, — ее субъективная реальность представляется бесспорной. И мысль о самоубийстве рождается, если боль становится непереносимой, и человек активно стремится к смерти, чтобы прекратить непрерывный поток осознания боли. Самоубийство является результатом трагедии,

⁹ Там же. С. 136.

¹⁰ Там же. С. 132.

происходящей в душе человека»¹¹, — делает вывод ученый.

Итак, перед лицом современного рационального мировоззрения феномен самоубийства со всей своей страшной и неумолимой силой свидетельствует о наличии таких явлений в жизни человека, которые, пренебрегаемые столь долгое время, начинают заявлять о себе, да еще в такой жуткой форме. Они встают перед современным обществом как страшная иррациональная загадка. Загадочность и непостижимость их для современного сознания, оторванного от опыта Церкви, кажется тем более устрашающей, что энергия падшего человека, освобожденная от сдерживающих начал Церкви, была направлена на обеспечение самых светлых и, казалось бы, цивилизованных форм жизни. А идеал цивилизованности — это, прежде всего, достижение максимального комфорта материальной жизни человека и всестороннее развитие душевной (но не духовной) жизни личности, освобожденной от религиозных «оков». И вот теперь «свободная» и «осчастливленная» всеми достижениями научно-технического прогресса человеческая личность почему-то отвечает на них таким загадочным и чудовищным протестом.

И еще один парадокс для современного мышления: статистика неумолимо свидетельствует, что эту самую жуткую форму неприятия жизни избирают именно люди, максимально восприимчивые к благам цивили-

¹¹ Там же. С. 135.

лизации и, казалось бы, призванные наслаждаться ими. Как показали исследования, «герой современного самоубийства — выходец из "среднего слоя", т.е. потребляющий культуру»¹². Большинство покончивших с собой имели хорошие показатели в учебе в годы своего пребывания в школе или институте, т.е. были достойными представителями цивилизации, исповедующей как идеал раскрепощение личности и свободу от всех запретов. Среди самоубийц очень маленький процент, например, бомжей или умалишенных. Почти всеми исследователями проблемы суицида также давно отвергнуто ложное представление, будто люди кончают с собой из-за неблагополучия в материальной жизни: нищеты, болезней и проч. Очень высок процент самоубийств в молодежной среде — наиболее жизнерадостной части общества, а потому, казалось бы, и наиболее жадной до благ цивилизации. И, наконец, поразительнее всего высокие показатели детского суицида. «По данным Института дошкольного и семейного воспитания РАО, сейчас в России более двух тысяч детских и подростковых самоубийств в год. Сегодня на одного детского психиатра в России в среднем приходится 26000 душ. По цивилизованным меркам — это запредельная цифра»¹³. ...«Более 70 процентов

¹² По материалам сайта narod.ru: Статьи, посвященные проблеме суицида. Дарк О. Феноменология суицида.

самоубийств совершают дети из внешне благополучных семей»¹⁴.

Таков парадокс эпохи прогресса, отвергнувшей «устаревшие» христианские ценности: человек пытается построить рай на земле, чтобы в итоге попасть в ад. Что это — как не доказательство полной несостоятельности современного мировоззрения и смертный приговор пресловутым «общечеловеческим ценностям», в таком изобилии хлынувшим к нам с Запада с началом перестройки? Неудовлетворенные потребности человеческого духа, пренебрегаемые столь долго, заявляют о себе сегодня, на самом что ни на есть взлете человеческой цивилизации, такой непереносимой психической болью, которая превосходит любые формы физического страдания. «Попробуйте пообщаться с этими людьми (то есть с теми, которые пытались покончить с собой), — вам откроется такое, чего вы не увидите ни в одном фильме ужасов. Порой это целая вселенная кошмара!»¹⁵ — признается один из врачей кризисного стационара Российского суицидологического центра К.Б. Гацолаев, психиатр с тридцатилетним стажем.

По материалам сайта narod.ru: Статьи, посвященные проблеме суицида. Александрова В. Петля на тонкой шее. Источник: http://www.rg.ru/Anons/arc_2001/1116/3/shtm.

¹⁴ По материалам сайта narod.ru: Статьи, посвященные проблеме суицида. Синева Е. «Саратовский арбат». Источник: <http://www.og.ru/archieve/2001/mat/pral.shtml>.

15

По материалам сайта narod.ru: Статьи, посвященные проблеме суицида. Гужева Н. Сказки на ночь из «Собеседника». Источник: <http://www.sobesednik.ru/weekly/56/investigation/1024/phtm>.

Наука с ее рационализмом не в силах объяснить, почему сознание современного человека вдруг превращается в «фильм ужасов», почему движение людей по пути прогресса, постепенного улучшения материальных условий жизни, сопровождается нарастанием и аккумуляцией душевной боли — этого страшного предвестника самоубийства. Ответить на эти вопросы невозможно, не прибегая к опыту и знанию Церкви. Поэтому основные черты самоубийства, обнаруженные современным американским суицидологом в процессе исследования множества случаев самоубийств, мы попытаемся рассмотреть в контексте православной антропологии.

* * *

Согласно учению Церкви, человек был сотворен с единственной целью: жить блаженной жизнью в самом тесном и органичном союзе с Богом — Источником жизни и блаженства всей твари. Вне Его может быть только вечное умирание и непрекращающаяся мука, так как люди, сотворенные для вечной жизни, после отпадения от Бога становятся заложниками вечной смерти.

Из этого предназначения человека — жить в Боге — вытекает очень важное следствие, а именно: человек не был сотворен как существо абсолютно самодостаточное и само по себе совершенное. Не существует так называемой «чистой» человеческой природы, т.е. такой, которая может существовать сама по себе, не-

зависимо от Бога. Человек может жить, развиваться и совершенствоваться во всей полноте своих природных потенций только при помощи Божественной благодати. Вне благодати человеческая природа не может существовать нормально. Благодать является как бы ее органической составляющей, ее «несущей конструкцией», делающей человека причастником жизни Бога — источника вечной и блаженной жизни. А благодать — это Божья любовь к человеку, воспламеняющая его ответную любовь к Богу в напряженном стремлении к соединению с любящим его и любимым им Творцом. Но через грехопадение «человек сознательно и добровольно нарушил союз любви с Богом — свою жизнь, силу и значение он перестал сознать, чувствовать и полагать в Боге... Человек признал себя способным прожить самостоятельно, он полагал всю надежду на свои человеческие силы и средства без высшей религиозной поддержки, без непосредственной связи с Богом... Центр тяжести своей жизни он перенес на себя, вне живого, ближайшего отношения к Божеству... Этот акт самоутверждения был... заблуждением, ошибкой как сознания, так и воли человека... Вместо истинной жизни, к которой человек предназначен, для него началась жизнь нездоровая, ложная, мнимая, ведущая с неумолимою необходимостью закона к смерти и физической, и духовной, к вечной неудовлетворенности и страданиям»¹⁶.

¹⁶ Зарин СМ. Аскетизм по православно-христианскому учению. Москва, 1996. С 24-25.

Заменяв объект своих естественных стремлений к идеальному — Бога — самим собой, от любви к Богу перейдя к самолюбию, человек полностью погрузился к сферу чувственной жизни. Свою природную жажду в духовном блаженстве человек стал реализовывать преимущественно через чувственные наслаждения и естественные потребности организма, которые обретают на этом пути уродливые формы. К такому гипертрофированному противоестественному удовлетворению телесных потребностей человека понуждают злые духи или демоны. Преподобный Максим Исповедник пишет, что «посредством [этих естественных желаний] действовала всякая лукавая сила, по страсти естества побуждая волю через естественные страсти обратиться к тлению неестественных страстей»¹⁷. В результате произошло тотальное и необратимое порабощение человека стихиями этого мира и, что самое главное, духами злобы поднебесной, которые гораздо могущественнее человека в его падшем состоянии.

Человек стал жить наперекор естественным законам своей собственной природы, и развитие пошло не на рост, а на убыль. Вместо того, чтобы черпать жизненную энергию из сферы духовной, человек возжелал обрести ее в сфере материальной, чувственной. Внутри человека появился роковой разлад. «Отказавшись от

17

Творения преподобного Максима Исповедника. Книга II. Вопросы к Фалласию. «Мартис», 1993. С. 60.

общения с Богом, но... не имея никакой реальной возможности отказаться вместе с тем от абсолютного характера своих духовных потребностей, человек оказался в безвыходном и самом жалком противоречии сам с собой, стал носить в себе внутреннее непреодолимое раздвоение, вступил в сферу ничем не преобладающих противоречий мысли и жизни»¹⁸. «Не делаю, что хочу, а что ненавижу, то делаю» (Рим. 7, 15), — лаконично определил этот трагический разлад апостол Павел.

Порочный круг удовлетворения естественного стремления к дающим жизнь благам посредством чувственных наслаждений, расходующих жизненную энергию, разрушал природу человека. Чувственное наслаждение неизбежно влекло за собой страдание как сигнал противоприродного растрачивания сил.

Таким образом, человек после грехопадения оказался замкнутым в порочном круге чувственных наслаждений и страданий. И так как стремление к блаженству является основным законом существования, а смерть и страдания для человека противоестественны, то новым принципом его жизни становится постоянное стремление к плотским наслаждениям — для того, чтобы избежать страдания. Но наслаждение и страдание — это две стороны одной и той же медали, где страдание есть отсутствие наслаждения и где наслаждение «перетекает» в страдание. Их почти что равнозначность

¹⁸ Зарин СМ. Аскетизм по православно-христианскому учению. Москва, 1996. С. 24.

подчеркивается и языковой формой, которую имеют эти понятия в греческом языке: идони-одини — наслаждение-страдание. Преподобный Максим Исповедник, чтобы передать весь ужас существования человека в порочном круге монотонно и бессмысленно чередующихся наслаждений и страданий, этих почти что неразличимых продуктов жизнедеятельности падшего человека, часто использует эту связку «идони-одини», «идони-одини». Неистовая погоня за наслаждениями лишь увеличивает тяжесть страданий, делая их в итоге невыносимыми.

Страдание, таким образом, формируется в сфере духа как сигнал отсутствия благодати — источника жизни человека. Стремление заглушить страдание посредством чувственного наслаждения влечет разочарование и лишь усиливает страдание, потому что дух не может находить успокоение в иноприродных для него не духовных наслаждениях. При повторных попытках заглушить страдание плотскими удовольствиями дух и душа все более опустошаются, истощая тем самым все силы человека. Жизнь его превращается в цепь непрерывных страданий.

Дух человека умирает в момент отвержения благодати. Но поскольку благодать присуща богозданной природе человека, эта духовная смерть образует феномен мертвенной жизни, т.е. противоестественной жизни в состоянии отвержения благодати, а потому исполненной мук и страданий. С другой стороны,

противоприродное удовлетворение естественных телесных потребностей ради наслаждения приводит к постепенному истощению жизненных сил, разного рода физическим болезням. Когда же после смерти духа их запас окончательно истощится, умирает тело, а духовная смерть переходит в вечность.

Вот где источник психической боли, толкающей к самоубийству — болезнь духа. Подчеркнем еще раз особую природу этой мистической боли: по отношению к ней боль физическая является вторичной, ибо давно доказано, что люди могут переносить самые невероятные физические страдания, не помышляя о смерти, пока у них еще остаются духовные силы. Мало того, если дух оживлен прикосновением благодати, эти страдания даже способствуют духовному возрождению человека, о чем свидетельствуют жизнеописания христианских мучеников и подвижников.

Отсюда понятна и другая константа самоубийства, отмеченная американским суицидологом: «Самоубийство порождается нереализованными, заблокированными или неудовлетворенными психологическими потребностями... Встречается множество бессмысленных смертей, но никогда не бывает немотивированных самоубийств, любой суицидальный поступок отражает ту или иную неудовлетворенную психологическую потребность»¹⁹. Но, как мы видим из учения Церкви, эти

¹⁹ Эдвин Шнейдман. Душа самоубийцы. Москва, Смысл, 2001. С 266-267.

потребности и нельзя реализовать, ограничиваясь только сферой чувственной или эмоциональной жизни. И хотя люди обычно совершают суицид в экстремальных ситуациях, таких, как развод, потеря работы, неразделенная любовь, тяжелая болезнь, большинство экспертов предполагает, что это скорее повод для суицида, чем его причина.

Перейдем к другой особенности, характерной для всех случаев самоубийства: «Общей задачей суицида является прекращение сознания, — пишет Шнейдман. — Самоубийство легче всего понять как стремление к полному выключению сознания и прекращению невыносимой психической боли, особенно если это выключение рассматривается страдающим человеком как вариант выхода — и надо сказать, очень надежный вариант выхода — из насущных, болезненных жизненных проблем»²⁰. Довольно ценное наблюдение. Оказывается, и в суициде человек остается верен своему основному жизненному принципу: избегать страданий за счет наслаждений. В этом смысле суицид представляет собой как бы завершающий акт духовного опустошения человека чувственными наслаждениями или, другими словами, максимальную точку эволюции павшего человека в направлении удаления от Бога. Здесь нужно уточнить: максимальную точку только в пределах этой земной жизни, поскольку процесс отпадения, как мы можем видеть из учения Церкви, не имеет конца. В пиковых выражах этой бессмысленной и

²⁰ Там же. С. 265.

патологической гонки по замкнутому кругу наслаждений и страданий первые становятся почти что неразличимы от последних (вспомним: идони-одино), будучи их источником. Вне благодати Божией у духовно опустошенного человека не остается другого способа избежать страданий, как только прекратить работу этого механизма чувственной жизни, постоянно вырабатывающего страдания как продукт сгорания чувственных удовольствий. Действительно, что еще остается делать грешному человеку, когда он осознает, что все эти так называемые радости жизни приносят одни мучительные страдания? Духовно опустошенный в этом бессмысленном круговращении удовольствий и страданий, он возненавидит эти «радыи жизни» и саму жизнь. «Возможность самоубийства есть одно из утешений, если все другие утешения исчерпаны»¹. Живым гениальным воплощением этой психологии саморазрушения явился в XIX веке пессимизм Шопенгауэра, «который призывал к мировому самоубийству, к угашению мировой воли к жизни, порождающей муку и страдание»²¹. ...«Мне больно, и, знаешь, я очень устал... Я не вижу никакого смысла в жизни, не понимаю, зачем она мне, мне просто надоело... Куда бы я ни пошел, чем бы ни занялся, мне тоскливо до жути. Лучше б я не рождался!»²² — вот психология грешника, разорвавшего связь с Богом, ибо без Бога человек

²¹ Там же.

²² По материалам сайта narod.ru: Статьи, посвященные проблеме суицида. Гужева Н. Сказки на ночь из «Собеседника». Источник : <http://www.sobesednik.ru/weekly/56/investigation/1024.phtml>.

неизбежно теряет вкус к жизни. Это — психология самоубийцы.

Феномен суженного «туннельного» сознания — еще одна общая черта самоубийства, выделенная американским суицидологом. «Сужение или "туннельность" сознания, — пишет Шнейдман, — заключается в резком ограничении выбора вариантов поведения, обычно доступных сознанию данного человека в конкретной ситуации, если его мышление в состоянии паники не стало дихотомическим (либо-либо)... Либо я достигну некоего особенного (почти волшебного) разрешения всей ситуации, либо же перестану существовать. Все или ничего. Варианты выбора снизились до двух... Либо волшебное разрешение проблемы, либо смерть»²³. Знаменательно это словечко «волшебное» в данном определении. Здесь нет упования на Бога, а есть ожидание чуда, совсем как в детской песенке: «Прилетит вдруг волшебник в голубом вертолете». А поскольку надежда на волшебника иллюзорна, то естественно рождается чувство безнадежности и беспомощности, которое является еще одной характерной особенностью самоубийцы. «Следом возникает отчаяние, порожденное ограниченным видением только двух альтернатив, а не трех или большего числа вариантов выбора, какие обычно предлагает повседневная жизнь»²⁴. «Я ничего не

²³ Эдвин Шнейдман. С. 268.

²⁴ Там же. С. 184.

могу сделать (кроме как прервать эту цепь страданий), и никто не может мне помочь (облегчить боль, которую я испытываю)». Туннельность сознания самоубийцы — это наиболее полное и «совершенное» выявление психологии падшего человека, загнавшего себя как бы в мрачный туннель, из которого, после того как он окончательно растратит себя в бесплодных наслаждениях, доставляющих одно страдание, только один выход — в смерть. Словом, живи, пока живется, пока есть силы и здоровье, а потом — мрак безысходности перед лицом неизбежной смерти. И что хорошего в этой жизни, если все подвержено распаду и тлению? Такая вот безальтернативная перспектива. «Земля еси и в землю отыдеши»²⁵. Напрасно утешать себя прибаутками, вроде «живи и радуйся жизни» или «не думай о смерти». Не поможет и «героически-отчаянная» бравада: «после меня хоть трава не расти». Это геройство вскоре улетучится, как дым, и останется только затопляющее душу отчаяние безысходной тоски. Для человека с туннельным сознанием нет выхода на просторы бессмертия — есть лишь бегство от ужаса, заполняющего душу, в скорейшую смерть.

Таким образом, самоубийство — это логический итог грехопадения или, по мысли Ф.М. Достоевского, предел человеческого своеволия. И «реплика ветхозаветного Змия Эдемского: "Вы будете как боги" (Быт. 3, 5), — обретает смысл:

²⁵ Слова из Чина Панихиды Православной Церкви.

"Кто смеет убить себя, тот бог"»²⁶. Чтобы стать богом, человек должен победить страх смерти — этот предел наслаждений и страданий, — должен убить себя... чтобы доказать, что он один хозяин жизни и смерти.

Таков воистину страшный подтекст идеологии «свободы» — этого нового идола современного человечества. Пресловутые «права человека» включают в себя и право распорядиться своей собственной жизнью — вплоть до права на самоубийство. Полная свобода воли — в способности к самоубийству. «Никто не даст нам избавленья: ни Бог, ни царь и ни герой, — добьемся мы освобожденья своею собственной рукой», — провозглашает известный гимн «свободы». Так и напрашивается уточнение: «Наложим на себя руки». Современный исследователь проблемы суицида Олег Дарк пишет: «Самоубийство — всегда бунт: против природного, социального или индивидуального устройства (отсутствия таланта, привлекательной внешности). Это последний способ, который всегда в запасе, изменить существующее, что и значит «стать творцом» (на место Творца). Предельный критерий творческой самостоятельности — право самому выбрать свою смерть (время, место и форму)»²⁷.

²⁶ По материалам сайта narod.ru: Статьи, посвященные проблеме суицида. Исупов К.Г. Русская философская танатология. Источник: Вопросы философии, 1994, № 3.

²⁷ По материалам сайта narod.ru: Статьи, посвященные проблеме суицида. Дарк О. Феноменология суицида.

Итак, самоубийство — это предел своеволия. Но сущностью своеволия является самолюбие, ибо любовь к Богу понуждает творить волю Божию, а любовь к себе — исполнять собственную волю. Когда мы говорим, что в грехопадении человек поставил себя на место Бога, то это означает, что он возлюбил вместо Творца тварь и, прежде всего, себя. Человек изменил объект своей любви, а энергия, сила любви осталась. Любовь — это самая мощная из энергий духа человеческого, и, как отражение основной Божественной энергии — бесконечной любви к человеку вечного Бога — она несет на себе печать бесконечности. «Любовь человека живет бесконечным стремлением к своему объекту, она полностью удовлетворяется только при встрече с Богом, с Бесконечностью»²⁸. Бог как бесконечный предмет человеческой любви, соответствующий бесконечности ее стремления, заменяется после грехопадения конечным предметом, на который направляется вся бесконечность человеческой любви. В этом корень греха. «Страсти — это бесконечная привязанность к конечным вещам и людям»²⁹. Поэтому обожествление твари вместо Творца является необходимым следствием идеологии нового грехопадения, совершившегося и совершающегося, начиная с эпохи Возрождения.

28

Dumitru Staniloae. Priere De Jesus Et experience Du Saint-Espirit. Theophanie, Desclee De Brouwer, 1981. P. 42.

²⁹ Там же.

Парадоксальным образом это своевольное самолюбие, погружающее человека в мучительное круговращение удовольствий и страданий, на самом деле оборачивается ненавистью к себе и к миру. «Эта бесконечная привязанность к конечным вещам не может удовлетворить подлинной бесконечной жажды сердца. Только встреча сердца с Богом способна удовлетворить его жажду»³⁰. Поэтому истинной любовью можно любить только Бога, Того, Кому обязан жизнью, всем своим существованием и будущим вечным блаженством. Любовь же к себе, эгоизм или эгоцентризм — это любовь к тому, что не может дать жизни и блаженства, а поэтому это «любовь» к смерти, которую естественно было бы ненавидеть. «Психологический парадокс заключается в том, что ненависть и отвращение к себе есть вместе с тем эгоцентризм, поглощенность собой, бессилие выйти из себя, забыть себя и подумать о других»³¹. ...Вот почему «обожествление человека, человекобожество может предельно проявить себя лишь в насильственной смерти»³². Если человек бог, то он сам может победить боль и страдание... «Человек хочет лишиться себя жизни, но хочет лишиться себя жизни именно потому, что не может выйти из себя, что он погружен в себя. Выйти из себя он может только через убийство себя. Жизнь

³⁰ Там же. Р. 43.

³¹ Николай Бердяев. О самоубийстве (психологический этюд): из сборника «Суицидология: прошлое и настоящее». Москва. Когито-Центр, 2001. С. 101.

³² Там же. С. 99.

же, закупоренная в себе, есть невыносимая мука. Самоубийца всегда эгоцентрик, для него нет больше ни Бога, ни мира, ни других людей, а только он сам... Психология самоубийства есть психология замыкания человека в самом себе, в своей собственной тьме»³³, — пишет Николай Бердяев.

Круг замкнулся... Ловушка захлопнулась... Страшная инерция грехопадения, постоянного убегания от страданий в погоне за наслаждениями, может разрешиться этим окончательным бегством — бегством от самого себя, от страшной зияющей пустоты в самом себе, которую уже не заполнить никакими наслаждениями. Оно становится последним наслаждением, последним «утешением, когда все другие утешения исчерпаны»³⁴. Бегство — еще одна из наиболее характерных черт самоубийцы. «Агрессией или бегством, — пишет Эдвин Шнейдман, — называется преднамеренное стремление человека удалиться из зоны бедствия или места, где он пережил несчастье. Вот примеры из суицидальных записок: "Покончив с собой, я избавлюсь от всего"; "Теперь, наконец, придет свобода от душевных мучений". Самоубийство является предельной агрессией, на фоне которого меркнут все прочие виды бегства — уход из дома, увольнение с работы, дезертирство из армии или развод с супругом»³⁵.

³³ Там же. С. 93.

³⁴ См.: С 22.

³⁵ Эдвин Шнейдман. С. 269.

Страшная диалектика «переливания» наслаждений в страдания (эдони-одини) находит свое окончательное завершение в полном совпадении «последнего» наслаждения с предельным страданием. Как можно уйти, убежать от себя, от невыносимой муки своей собственной самости при полном оскудении источников любви к чему-то или кому-то другому помимо себя самого, когда для тебя «нет больше ни Бога, ни мира, ни других людей, а только ты сам»?³⁶ Парадоксальным образом это бегство, этот «выход» является уничтожением последнего шанса реального выхода из самого себя. А реально выйти из самого себя — значит хотя бы на мгновение забыть о себе, о своих «психологических проблемах», осознать, что вокруг тебя есть люди, которым ты нужен, а над тобою — Бог, Который нужен тебе и Который бесконечно тебя любит.

* * *

Давайте теперь посмотрим сквозь призму церковного учения на современное духовное состояние человека, где предельной точкой грехопадения является суицид.

Современный человек — прежде всего, человек развлекающийся. «Человек создан для счастья, как птица для полета», — эти слова В.Г. Короленко стали девизом современной цивилизации. Поток реклам вызывает и убеждает «братя от жизни все». Индустрия развлечений является сегодня самой доходной отраслью. С

³⁶ См.: С. 28.

каждым днем изобретаются все более утонченные наслаждения, растет спрос на все более острые ощущения. Понятно, что в результате они порождают лишь более изощренные страдания и острую боль.

Самоуслаждение, как мы видели, загоняет человека в жизненный «туннель» или тупик. Погружаясь в омут чувственных удовольствий, человек попадает в дурную бесконечность никогда полностью не удовлетворимых, но неуклонно усиливающихся желаний. Известно, что все наши чувства подобны желудку, постоянно требующему пищи. Страсть — бездна, в которую можно падать всю жизнь. С другой стороны, опутанный множеством привычек и страстей, человек, как мы видели выше, коротко замыкается на себе, на своих проблемах, переживаниях. Круг его общения сужается чуть ли не до уровня персонального компьютера. Учеными подмечено, что современный человек отличается низкой общительностью, пониженной контактностью. Парадоксально, но большие города с их неограниченными возможностями для удовлетворения всех потребностей современного человека, становятся городами одиночек.

Философ XIX века Дюркгейм видел глубинную причину роста тенденции к самоуничтожению как раз в ослаблении общественных связей, сплывающих людей друг с другом. Людей разобщает разнузданность чувств и желаний, освобождение их из-под общественного контроля. Причем рост суицидов пропорционален росту дезинтеграции или разобщенности

общества. И наоборот, наивысшей сплоченностью общество отличается в годы тяжелых испытаний, бедствий, войны, голода. В эти периоды, соответственно, и самые низкие показатели самоубийств³⁷. Общественная сплоченность — это лишь внешнее обнаружение самой главной формы сплоченности — духовной, которую обеспечивала Церковь. Соборность Церкви — это сплоченность или единство людей на самом фундаментальном, «природном», т. е. духовном уровне. Ею если не окончательно преодолевались, то смягчались любые формы разделения людей по имущественному положению, по уровню образования и т. п., не допуская распада общества на враждующие партии и группы.

К сожалению, современное общество достигает сегодня предела дезинтеграции. Установка на достижение максимального комфорта земной жизни превращает общество в толпу эгоистов, постоянно противоборствующих друг другу. А эгоист смотрит на другого человека лишь как на объект своих вождлений или как на потенциального противника. Он не способен к самопожертвованию, к любви. Наукой констатируется ослабление семейных, дружеских

³⁷ Может быть, в этом скрыт глубокий духовный смысл трагической судьбы России, а также ее относительно низкого по сравнению со странами Запада материального уровня жизни. Известно, что высший пик экономического развития России (1913 г.) закончился самым мощным в ее истории потрясением, которое не прекращается и по сей день. «Ин суд Божий, ин человеческий». «Ин» порой до противоположности: то, что с позиций плотского разума является страшным бедствием, в духовной перспективе может оказаться великим благом.

связей, а случаи суицида среди женатых людей встречаются гораздо реже, чем у одиноких.

Современные люди нередко нервны, мнительны, напряжены, мрачны, тяжелы в общении, раздражительны, часто срываются по незначительному поводу, не имеют сил любить, терпеть. Все это — плоды разобщенности и господствующего ныне уныния духа. По наблюдениям ученых-медиков наш век — это век депрессии, и где-то к 2010 году депрессия по прогнозам психиатров станет уже естественным состоянием психики человека.

Усилению трагического разлада человека с самим собой и другими людьми, появлению различных предвестников суицида в форме неврозов, депрессии, душевной и духовной опустошенности, способствует еще такой немаловажный психологический фактор как мечтательность. Церковь всегда считала мечтательность греховной склонностью души, чреватой опасностью духовного самообмана и самообольщения — состояния, в православной аскетике называемого «прелестью». А из церковной практики известно, что «прелесть» нередко приводила незадачливых подвижников к самоубийству.

Когда человек живет преимущественно чувственной, страстной жизнью, он погружается в мир иллюзий, мечты и грез. Привязанность к чувственным удовольствиям, безмерно усиливающаяся и закрепляемая достижениями цивилизации, по слову преподобного Максима Исповедника, «научает домогаться

неосуществимого и невозможного в пределах намеченной цели»³⁸, или, другими словами, бесконечного наслаждения конечными чувственными удовольствиями. Эта неосуществимая мечта неизбежно влечет за собой горечь разочарования, потому что любая цель, ограниченная рамками этой земной жизни, никогда не сможет удовлетворить бесконечных запросов человеческого духа. В психиатрии существует такой термин, как «депрессия победы». Им обозначается состояние, возникающее на вершине успеха. И Лао-Цзы учил, что «встречать победителей должны плакальщики и могильщики»³⁹.

Человек постоянно строит воздушные замки, а потом стонет под их развалинами. В этой заведомо обреченной на неудачу гонке за призраками счастья человек в итоге опустошается и разочаровывается в жизни. По мнению известного философа и психолога Эрика Фрома, «деструктивная сила, сила саморазрушения, возникает из-за невозможности человека осуществить свой жизненный проект»⁴⁰. А жизненные проекты современного человека становятся все более иллюзорными и призрачными. Он постоянно, на каждом шагу, наталкивается на досадные, терзающие душу

³⁸ Творения преподобного Максима Исповедника. Книга II. Вопросы к Фалассию. «Мартис», 1993. С. 25.

³⁹ Борис Херсонский. Смысл жизни: обретение и утраты; из сборника «Суицидология...». С. 222.

⁴⁰

По материалам сайта narod.ru: Статьи, посвященные проблеме суицида. Серенко А. Нереализованная ненависть к миру. С 4. Источник: <http://ns.ng.ru/regionv/01/g001w74.htm>.

противоречия между «идеалами» современных рекламных клипов, образами удачливых мифических героев из современных сериалов и «серой» действительностью. «Вся жизнь — сплошное наслаждение», — проповедуют сегодняшние учителя и реформаторы жизни, а на самом деле она полна страданий, и эти страдания тем сильнее, чем острее наслаждения. В результате человек испытывает душевные мучения из-за невозможности реализации своих призрачных, фантастических планов. К своим обычным и неизбежным жизненным трудностям и скорбям он прибавляет еще и эти «скорби собственного сочинения» — скорби, которые человек сам «намечтал» себе.

Современная масскультура, компьютеры, средства mass-media еще больше увеличивают разрыв между мечтой и реальностью. Они погружают человека уже в некую виртуальную реальность, в настоящий мир призраков, где обитают совершенно нереальные герои с совершенно нереальными возможностями и нереальными запросами. Человек создает вокруг себя некую искусственную среду обитания, а через СМИ ему постоянно навязываются искусственные модели поведения, искусственные потребности. Ему внушается, что без них не прожить.

Мода — это еще один из механизмов введения человека в уныние. Колесо моды вертится, не останавливаясь, и за ним очень трудно угнаться. Только человек успевает обзавестись средствами для приобретения очередной модной вещицы, как

она уже выходит из моды. Все время он должен бежать за уходящим поездом. Невозможность соответствовать постоянно навязываемым псевдосветским нормам поведения — важная причина депрессии современного человека среднего класса. Он чувствует себя отверженным, когда не может позволить себе иметь престижную марку Мерседеса, престижный круг знакомых, ходить в престижные рестораны. Нередко такие «неудачники по жизни», оказавшиеся на обочине своего местечкового «бомонда», превращаются в «экстремалов»: свою надуманную «ущербность» они пытаются компенсировать за счет страстного увлечения опасными для жизни, экстремальными видами спорта, становясь потенциальными самоубийцами.

Именно в ключе поисков наслаждений воспитываются сегодня целые поколения. «Я хочу, чтобы мой ребенок жил счастливо и не знал горя», — таково основное воспитательское кредо многих сегодняшних родителей, старающихся исполнить любой каприз своих драгоценных чад. Из этих «баловней судьбы» формируется современная армия фанатов мечты, фанатов рекламы, фанатов тусовок, на которых происходит слом индивидуальностей. Люди, вырванные из реальности, теряются в жизни и теряют самих себя. Один из участников эстрадной группы «Иванушки Интернэшнл», не вынеся контакта с реальностью, выбросился из окна многоэтажного дома. Созданный им мир призраков убил своего творца, а примеру кумира

последовали еще две девушки. Ведь суицид, как и любая другая страсть, заразителен...

Русский ученый XX века профессор Дмитрий Федорович Горбов, изучив истории самоубийств многих знаменитостей — художников, поэтов, музыкантов — пришел к выводу, что самоубийство — это убийство «черного человека» в себе. «Черный человек» — этот мрачный спутник измученной души, неотступно преследующий ее, — классический персонаж искусства. Вспомним хотя бы историю Моцарта: «черный человек», заказавший ему «Реквием», оказался предвестником его смерти. Этот мрачный «незнакомец» преследовал также и Есенина. Поэт даже посвящает ему одну из своих поэм:

«Черный человек на кровать ко мне садится,
Черный человек спать не дает мне всю ночь»⁴¹.

Однажды в номере гостиницы «Англетер» Сергей Есенин, взглянув на себя в зеркало, в ужасе разбил его тростью. Он увидел в зеркале кроме себя еще «кого-то» страшного...

Нетрудно догадаться, кто этот «черный человек». Душа не выносит его сожительства, настолько оно тягостно. Душа как бы леденеет и цепенеет. И человек готов убить себя, лишь бы убить беса, поселившегося в нем. В церковной

⁴¹ Есенин Сергей. Собрание сочинений в 5 томах. Государственное издательство художественной литературы. М. 1962, т. 3, С 209-214.

практике изгнания злых духов из человека (или так называемой «отчитке») этот бес называется духом тоски предсердечной или духом тяжелой сердечной тоски. «Тоска, как выпавшая гадина, сковала сердце черной петлею», — такое описание предсердечной тоски мы встречаем в одной из песен священника Олега Скобли. Одержимые духом самоубийственной тоски свидетельствуют, что в таком состоянии меняется само восприятие окружающей действительности. Все предметы вокруг — люди, вещи, даже самые стены квартиры, в которой находишься, становятся постылыми и невыносимыми до боли. И если твоя квартира на четвертом этаже, то так и подмывает выброситься из окна. Тоска буквально душит, кажется, что вот-вот сойдешь с ума или покончишь с собой. (Л.Н. Толстой в минуты приступов этой тоски «был вынужден прятать веревки и галстуки и не брал на охоту ружья»⁴².) И еще человек чувствует — он здесь, он рядом, твой «черный человек»... Таков итог окончательного раскрепощения личности, о котором мечтали все наши свободолюбцы: пустота опустошенной души с подселенцем из преисподней.

Атеистическое сознание не раз пыталось разделаться с «предрассудком» о существовании дьявола, вытеснить его в область нереальности, мифа. Но «демифологизированный» и превращенный в сознании современного человека чуть ли не в забавный персонаж древний дракон

⁴² Борис Херсонский. Смысл жизни: обретения и утраты; из сб. Суицидология... С. 220.

снова дышит в лицо человечеству смертоносным дыханием. Дьявол и его слуги сходят со страниц дешевых бестселлеров, с экранов телевизоров и компьютеров и приступают к человеку не в традиционном устрашающем, а в «приемлемом» для него виде, например, как благородные представители внеземных цивилизаций (НЛО). Но, приблизившись к человеку, они заражают его своим холодом и мраком, отравляют его существование. И тогда человек начинает ненавидеть себя, потому что в нем поселяется «черный человек». Присутствие этого «черного человека» в себе самоубийцы, как правило, чувствуют, но с упорством неверующих людей отказываются признать существование дьявола, увлекающего их в пучину отчаяния. Архиепископ Иоанн (Шаховской) пишет об этом так: «Самоубийцы, пред самоубийством своим, совсем не знают, что около них стоит гадкий (невыразимо) злой дух, понуждая их убить тело... И советует этот дух, и убеждает, и настаивает, и понуждает, и запугивает всякими страхами: только бы человек нажал гашетку или перескочил через подоконник, убегая от жизни, от своего нестерпимого томления... Человек и не догадывается, что "нестерпимое томление" — не от жизни, а от того, от кого и все мысли, "обосновывающие" убиение себя. Человек думает, что это он сам рассуждает и приходит к самоубийственному заключению. Но это совсем не он, а его мыслями говорит тот, кого Господь назвал "человекоубийцей искони". Человек только безвольно соглашается, невидимо для себя берет

грех дьявола на себя, сочетается с грехом и с дьяволом...»⁴³

Теория «черного человека», согласная с опытом Церкви, хорошо объясняет две наиболее парадоксальные и непонятные для безрелигиозного сознания черты самоубийства, выделенные американским суицидологом Шнейдманом. Первая: «Внутренним отношением к суициду является амбивалентность», то есть...«люди, совершающие самоубийство, испытывают двойственное отношение к жизни и смерти даже в тот момент, когда кончают с собой. Они желают умереть, но одновременно хотят, чтобы их спасли... Для самоубийства типично состояние, при котором человек перерезает себе горло и одновременно взывает о помощи, и оба эти действия являются искренними и непритворными. Амбивалентность представляет собой совершенно естественное состояние при самоубийстве: чувствовать, что ты должен совершить его, и одновременно желать постороннего вмешательства... Люди были бы счастливы не идти на саморазрушение, если бы не "должны" были предпринять его»⁴⁴. Это «должны» в формулировке ученого — прямо в точку. Слово как бы указывает на некое внешнее насилие над волей человека. Вспоминается признание на следствии убийцы трех оптинских иноков в Пасху 1993 г.: «Не хотел убивать ребят,

⁴³ Архиепископ Иоанн (Шаховской). От кого приходят мысли о самоубийстве; из брошюры «О грехе самоубийства и самоубийцах». Изд-во Московской Патриархии. Благо. С. 9.

⁴⁴ Эдвин Шнейдман... С. 267-268.

но я должен был отомстить Богу в лице Его служителей». Самоубийца тоже может сказать, что не «хочет» убивать себя, но «должен» это сделать, потому что этого хочет тот, кто завладел его душой.

И вторая черта: «Общим коммуникативным действием при суициде является сообщение о своем намерении... Многие люди, намеревающиеся совершить самоубийство, не смотря на амбивалентное отношение к планируемому поступку, исподволь, сознательно или безотчетно подают сигналы бедствия, как бы снабжая окружающих ключами к своему намерению, они стенают о своей беспомощности, взывают о вмешательстве или ищут возможности спасения...»⁴⁵ Иными словами, в периоды приступов самоубийственной тоски человек, самоубийца, становится более похож на жертву, чем на самостоятельного решителя своей участи. Как бы некая посторонняя сила воздействует на него против его воли, и он, чувствуя бессилие ей сопротивляться, пытается прибегнуть к помощи окружающих.

* * *

Суицид — это яркий фонарь, который высвечивает, вырывает из полумрака обыденности и людской теплохладности основные истины Православия. В этой самой горячей точке духовной брани, в ее эпицентре, отвоевываются или проигрываются основные ценности,

⁴⁵ Там же. С 269-270.

решаются важнейшие проблемы. Здесь сталкиваются самые веские «за» и «против» в отношении веры и неверия, и опытно подтверждаются непреложные ценности христианства. Здесь, в этой горячей битве между Богом и дьяволом за души людей, находится, наверное, ключ к пониманию смысла и значения победы над смертью, одержанной Христом. Научный опыт исследования суицида является одновременно опытным подтверждением основных, фундаментальных истин Православия и свидетельством того, что только Церковь обладает средствами борьбы против этого страшного современного бедствия. Только с этой точки зрения, как нам кажется, и нужно подробно рассматривать эту проблему, а если не так, то лучше и вовсе ее не касаться, памятуя предостережение отцов не «исследовать бездны сатанинские» из-за возможности заражения этой страшной духовной болезнью.

И на фоне этой мрачной современной проблемы ярче всего оттеняется тема Креста, которая проходит красной нитью через все церковное учение. Крестом исцеляется основная болезнь падшего естества человеческого — мучительная, противоестественная потребность в греховном наслаждении, приносящем страдания и, в конечном итоге, — смерть. Потребность по сути своей самоубийственная. Из-за влечения к смертоносным наслаждениям, влечения, называемого в Церкви первородным грехом, каждый человек несет в себе, в своей плоти, зародыш саморазрушения и является как бы

потенциальным самоубийцей. В каждого из нас сатана впрыснул этот яд, поэтому нужно, прежде чем помогать другим, уничтожить смертоносное начало в себе — остановить поток разрушительных страстей, истощающих душу и тело. Человек тянется к наслаждениям, потому что боится страданий и бежит от них, попадая в итоге из огня да в полымя. Церковь знает — надо претерпеть страдание. Нужно «возлюбить прежде всего скорби и печали»⁴⁶, — как учил преподобный Исаак Сириянин, то есть взять и понести свой Крест. Жизненную энергию, уходящую через страсти «вниз», нужно силой покаяния через страдания «выталкивать» «вверх», пока она в самой «верхней точке» — в духе, не соединится с потоками животворящей энергии или благодати Божией, с потоками Божией любви. При мертвости духа и непомерной требовательности чувств отказ от греховных наслаждений на первых порах всегда мучителен для человека и срастворен со скорбью. Но когда дух наш оживет, снова придя в соприкосновение с естественным Источником нашей радости и блаженства — с Богом, тогда скорбь эта претворится в радость, которая даже не снилась людям, привыкшим находить сомнительное удовольствие в угождении своей плоти. Об этом свидетельствует тысячелетний опыт Церкви. Вот как он отражен в писаниях одного из великих подвижников Православия, святителя Григория Паламы: «Есть некая непрестанная энергия, благодатно поселяющаяся,

⁴⁶ Преподобный Иустин Попович. Православная философия истины. Пермь, 2003. С 21.

живущая и укореняющаяся в душе, порождающая источник святой радости, которая притягивает к себе ум, уводит его от разнообразных вещественных представлений и настраивает так, что ему не сладки никакие телесные наслаждения... Потому что как наслаждение, идущее от тела к уму, делает весь ум телесным, нисколько не освящаясь от слияния с высшим, а наоборот, передавая уму свою низменность, от чего весь человек становится "плотью"..., — так и духовная сладость, переходящая от ума на тело, и сама нисколько не ухудшается от общения с телом и тело преображает, делая его духовным, так что оно отбрасывает злые плотские стремления и уже не тянет душу вниз, а поднимается вместе с ней, отчего и весь человек становится тогда "духом"»⁴⁷ ... Таково удивительное свойство Креста Христова, парадокс благодати ига и легкости бремени Христова (Мф. 11, 30) — «идея», не приемлемая для «крестоборческого» сознания современного человека с его неуемной жадной насладений и принципиальным нежеланием терпеть «законно причитающиеся» ему за эти наслаждения страдания.

В этом смысле суицид и самопожертвование через Крест являются полными антиподами. Это как бы крайние, критические точки, после которых процесс движения личности к спасению или гибели становится необратимым. Казалось бы, одинаковые по результату (смерть) — они, тем не менее, абсолютно противоположны по

⁴⁷ Святитель Григорий Палама. Триады в защиту священнобесмолствующих. Москва. Канон, 1995. С 165-166.

сути. Иначе бы не взывал сатана устами христубийца: «сойди с Креста... и уверуем в Тебя» (Мф. 27, 40-42). Самоубийца сатана, наоборот, со всей своей чудовищной изобретательностью уговаривает, убеждает, толкает на самоубийство. Это потому, что смерть в том и другом случае имеет абсолютно противоположные знаки и значение. Речь идет о смерти телесной, которая, по сути, еще не есть смерть, а есть лишь переход, пусть страшный и мучительный, в настоящую уже смерть или жизнь.

Суицид — это убийство жизни, убийство человеком в себе последней искры истинной жизни, искры благодати, которая до последней минуты живет в его сердце и, как голос совести, подсказывает, что ему надо делать, дает ему выход. Самоубийца принципиально не желает страдать, отвергает крест, который он сам же соорудил из своих страстей. В этом он верен основной своей жизненной линии, определяемой погоней за удовольствиями. Он самовольно выключается из Божественного плана, плана спасения человека от вечной смерти. А этот план после грехопадения мог осуществиться только через принятие страданий, как последствий страстной жизни, через терпеливое несение своего жизненного креста. Суицид — это предельный вызов, категорическое несогласие и отвержение Божественной воли, Божественной любви, Которая так возлюбила человека и возжелала его спасения, что Сама предала Себя на крайние мучения, взяла на Себя муку всего мира, страдания всех людей, от века бывших и долженствующих

быть. «Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного» (Ин. 3, 16), — для того, чтобы показать единственно возможный выход из безвыходного жизненного тупика, в котором оказался человек после грехопадения.

Суицид — это окончательная фиксация страстности, последний и самый решительный акт верности человека своей страстной натуре. Либо «волшебное» разрешение всей жизненной ситуации, в которой оказался человек, живущий своими страстями, либо смерть. Словечко «волшебное»⁴⁸ как раз и подразумевает, на наш взгляд, отвержение страдания, которое человек сам на себя навлек в результате возделывания удовольствий. «Волшебное» — такое же легкое и приятное, как удовольствие... Но в данном случае смерть — это тоже стремление к блаженству или, во всяком случае, к покою. «Мысль об аде в его религиозном понимании, обычно не приходит в голову самоубийцы... При самоубийстве конечная цель состоит именно в обретении покоя неодушевленности»⁴⁹.

Именно в этом состоит главный и страшный обман сатаны: под видом покоя и блаженства он подсовывает человеку, в его естественном стремлении к ним, вечную муку. Здесь окончательно срабатывает механизм действия греха, контрольный его запуск. Все остальные его запуски были только репетицией этого

⁴⁸ См.: С. 23.

⁴⁹

Эдвин Шнейдман. С. 296.

последнего. Каждый на опыте испытал призрачность греховного наслаждения. Грех силен только в воображении, и только в воображении он так неудержимо влечет человека к себе, но на деле — всего лишь минутное, а может, секундное сомнительное наслаждение, а затем — скорбь, муки совести, страдания, болезнь, смерть... И вот человек, наконец, приблизился к краю бездны, к которой шел всю жизнь... А что, если встать на краю и, затаив дыхание, заглянуть в бездну? А.С. Пушкин гениальным чутьем поэта уловил этот последний и самый страшный обман сатаны в преподносимом им человеку последнем дьявольском подарке, последнем захватывающем душу наслаждении-оборотне: «Все, все, что гибелью грозит, для сердца смертного таит неизъяснимы наслажденья». Интуицией пророка Пушкин почувствовал этот страшный надлом в душе павшего человека — глубоко затаившуюся в самых глубинах его подсознания потенциальную возможность согласия на этот последний «дар» сатаны, на этот последний, «самый сладкий и самый горький» плод предельной свободы воли, предельного своеволия. «Наконец-то все окончится, прекратятся все мучения, и я, наконец, обрету полный покой, полную свободу от всего...» «Будете как боги...» «Стать богом». То есть испытать это окончательное наслаждение своей самости, своего своеволия, своей предельной свободы и независимости, предельного произвола, упоение божественной властью над жизнью и смертью. И в роковую минуту сатана может

нажать на эту запретную красную кнопку. И взрыв невероятной силы, как взрыв термоядерной ракеты, оглушит и ослепит всю вселенную. И Ангелы в ужасе содрогнутся при виде великого крушения человека и падения его в черную страшную пустоту, в «ничто» своей самости, где сокрыта бездна вечных, нестерпимых мучений. К этим мучениям он последовательно шел, жадно ища наслаждений и с нетерпением отвергая страдания, попирая Крест, Богом ему данный как справедливое и целительное средство от боли и муки его своевольной души. Суть адских мучений состоит в том, что человек добровольно отвергает любовь Божью, излучающуюся от Креста Христова и сообщаемую только через собственный жизненный крест.

На Западе сегодня пишутся пособия для родственников самоубийц, потому что самоубийство — это страшная пробоина в семье самоубийцы, приносящая ей большой урон. Оно как некое проклятие рода, как оружие огромного радиуса действия, взрывная волна которого охватывает будущие поколения. Бывает, что в роду самоубийцы дети страдают психическими заболеваниями или наследуют тягу к самоубийству. Это семейное бедствие снижает жизненную энергию рода, ослабляет волю к жизни его членов.

Напротив, самопожертвование до смерти является высшей формой воли к жизни и потому самым сильным оружием против самоубийства. Недаром мученики называются семенем Церкви. Во все времена мученический подвиг —

жертвенная смерть за Христа — считался самым достойным и великим венцом человеческой жизни. И это потому, что мученики с максимально возможной силой и убедительностью утверждали своей смертью такие жизненные сверхценности, за которые не только не страшно, но даже радостно умирать. Своей смертью, как это ни парадоксально, они вливали в души и сердца людей новые потоки энергии жизни, потому что освобождали их от страха, малодушия и греховного оцепенения, сковывающих людей со времен грехопадения и толкающих их на любые преступления ради сохранения своей крохотной и серенькой земной жизни. Страх, малодушие и греховное самолюбие раскалывают и разрывают все существо человеческое. Разрыв происходит по линии совести, наполняя душу густым мраком нравственных терзаний и сомнений. Этот внутренний разлад и вражда зачастую вырываются наружу вспышками ненависти на все и вся и заливают землю потоками крови ослепших от своей злобы людей. Всегда требовалась жертва, которая была бы способна успокоить своим неземным миром разрушительную стихию мятущейся совести и радостным светом разогнать мрак страха смерти, словно гвоздями прибивающий человека к праху и тлену земной жизни. Мученики Христовы — самые близкие и верные ученики Христа, вслед за Ним и вместе с Ним они несут нам весть о победе над смертью и о новой жизни. Сейчас, как никогда, нам, нашему Отечеству требуется их помощь, помощь

новомучеников Российских. Никогда еще Россия не погружалась в такую бездну отчаяния и самоубийственного распада. Распад может остановить только Божественная благодать и подвиг мученичества.

Самопожертвование, крестная смерть — это окончательная смерть страстности и, значит, окончательное и уже необратимое ее исцеление и возвращение к предназначенному по естеству блаженству. Ибо воплотившийся Бог мог явить бесконечность своей любви в ограниченном смертном человеческом теле, только умерев за людей. Но эта вечная Любовь, которая есть вечная жизнь, соединившись со смертным телом павшего человека, обессмертила его всего, оживотворила силой Своей собственной Любви.

Поэтому «крест есть единственная защита против самоубийства и единственная сила, которая может быть ему противопоставлена. Всякий человек, склоняющийся к самоубийству, должен осенить себя крестным знаменем, принять крест внутрь себя. Именно тайна креста и есть осуждение самоубийства»⁵⁰.

Мы видим, как легко вписываются данные суицидологии в канву православного учения. «Бог есть любовь». Для многих и многих людей эта краткая формула христианства стала сегодня слишком абстрактной и бесполезной. «По причине умножения беззакония во многих

⁵⁰ Николай Бердяев. О самоубийстве (психологический этюд): из сборника «Суицидология: прошлое и настоящее». Москва. Когито-Центр, 2001. С 103.

охладеет любовь» (Мф. 24, 12). И в нашу эпоху постепенного вытеснения христианства из жизни людей по-новому раскрывается пророческий смысл слов Спасителя о том, что если люди перестанут говорить о Нем, «то камни (в нашем случае окаменевшие души самоубийц) возопиют» (Лк. 19, 40). Какая жуткая реальность скрывается за этими словами! Когда все средства убеждения исчерпаны, только эти остывшие души-камни остаются последним аргументом в защиту отвергаемого многими основного христианского принципа Любви, практически единственного для выживания в этом мире для мира иного, «где нет ни болезней, ни воздыхания»⁵¹. Эгоцентризм самоубийцы — это прежде всего резкий дефицит любви. Психологи и психиатры о некоторых своих тяжелых пациентах-суицидентах говорят, что «они воспитали в себе неспособность любить». Но именно эти люди остро нуждаются в любви, ибо находятся в том состоянии «окамененного нечувствия», когда утрачивается сама способность любить. Своими смертями они сигнализируют о жестокости и холодности окружающего мира. Э. Шнейдман отмечает «печальный и в то же время парадоксальный факт: общее коммуникативное действие при самоубийстве — это не проявление вражды, ярости или разрушения, и даже не замкнутость или депрессия, а именно сообщение о своем суицидальном намерении»⁵². Поэтому каждое

⁵¹ Слово из церковного чина Панихиды.

⁵²

Эдвин Шнейдман... С 270.

самоубийство — это неуслышанный крик о помощи, разбившийся о пустоту, требование любви и доверия с застывшими от холода смерти на губах упреком и обидой. Вот одно страшное признание: «Никто не остановил меня, не спросил, что случилось, не сделал даже малейшего движения в мою сторону... Никто не протянул мне руку, а я, вероятно, искала помощи, показывая всем своим поведением: "Мне очень плохо, у меня беда. Помогите мне". Но никто не отозвался»⁵³.

Терапия для склонных к суициду людей — это наша к ним любовь. Но любовь — дар Бога, Который Сам есть Любовь, благодать Духа Святаго. Поэтому болезни духа исцеляет благодать. Этим фундаментальным принципом любви нужно руководствоваться при всех формах суицидотерапии. По признанию специалистов, все рациональные способы борьбы с суицидальными настроениями, в основном, бесперспективны⁵⁴. Конечно, утопающий хватается за соломинку, и, вероятно, нужны и телефоны доверия, и различные формы психотерапии, вовлечение в общественную жизнь людей, склонных к депрессии. Но любые методики без любви — это просто мертвые схемы...

* * *

Сегодня особенно актуальными для нас становятся слова великого учителя Русской

⁵³ Там же. С 166.

⁵⁴

По материалам сайта [*narod.ru](http://narod.ru): Статьи, посвященные проблеме суицида. Красненкова И.П. Судьба и свобода в сфере самонасилия (или искушение суицидом).

Церкви святителя Игнатия Брянчанинова о том, что скорби являются уделом христиан последнего времени. В современном мире, в котором откровенно и беспрепятственно насаждается грех во всех его формах, христианский подвиг в значительной степени затруднен. А по законам христианской аскетики недостаточность усилий по борьбе со «сластями и похотями» должна быть восполнена душевными скорбями. Поэтому удел многих современных людей — терпеть эти скорби душевные или «психическую боль». Для некоторых терпение «тоски предсердечной», обратившейся в греховную привычку, в страсть, может стать их настоящим жизненным крестом, как для одной из пациенток Шнейдмана, о которой в его книге упоминается, что она «моментально принималась думать о самоубийстве, если сталкивалась с любой трудной проблемой в жизни»⁵⁵. Преподобномученица Мария Гатчинская⁵⁶ человеку, страдавшему тяжелыми и продолжительными приступами тоски, сказала: «Тоска есть крест духовный. Посылается она в помощь кающимся, которые не умеют раскаяться, то есть, после покаяния снова впадают в прежние грехи... А потому — только два лекарства лечат это, порой крайне тяжелое, душевное страдание. Надо — или научиться раскаиваться и приносить плоды покаяния, или — со смирением, кротостью, терпением и великой благодарностью Господу нести этот крест духовный, тоску свою, памятуя, что несение этого

⁵⁵ Эдвин Шнейдман... С. 205.

⁵⁶ Пострадала от безбожников-большевиков в начале 30-х годов. Канонизирована Русской Православной Церковью.

креста вменяется Господом за плод покаяния... А ведь какое это великое утешение сознавать, что тоска твоя есть неосознанный плод покаяния, подсознательное самонаказание за отсутствие требуемых плодов... От мысли этой — в умиление прийти надо, а тогда — тоска постепенно растает и истинные плоды покаяния зачнутся»¹. Совет — прямо обращенный к нашему времени и словно предназначенный для нас, современных христиан.

И пусть нам, ныне живущим, и, прежде всего, всем тем, кто часто бывает мучим духом саморазрушения, будет утешением знаменитое сказание «о последнем роде», взятое из древнего христианского патерика: «"Что мы сделали?" — говорили святые отцы. Один из них, Авва Исхирион, отвечал: "Мы исполнили заповеди Божий". Спросили его: "А что сделают те, которые будут после нас?" — "Они, — сказал Авва, — сделают вполтину против нас". Еще спросили его: "А что те, которые после них будут?" Авва Исхирион отвечал: "Люди века того ничего не сделают"⁵⁷. Но их постигнут напасти, и они, подвергшись

напастям и искушениям, окажутся больше нас и больше отцов наших"»¹.

57

Достопамятные сказания: о подвижничестве святых и блаженных отцов. Издательство имени святителя Льва, папы Римского. Киев, 2001. С 92.

Отечник, составленный святителем Игнатием Брянчанино-вым. Часть 1. Издание Донского монастыря. Издательский отдел Московского Патриарха при участии ТОО *Светлячок*. Москва, 1992. С 258.

Приложение

Можно ли молиться за души самоубийц?

*Из дневника
архиепископа Никона (Рождественского)*

Когда речь идет о спасении, мы должны всегда помнить, что Бог не спасает нас насильно: создать нас без нас Он мог, а спасти нас без нас не может. Необходимо, чтобы человек при исходе из сей жизни имел бы хотя зачатки произволения ко спасению, чтобы, по крайней мере, не отрицал возможности своего спасения, а следовательно, не терял надежды: мы молимся о тех, кто почил в надежде воскресения и жизни вечной, в ком осталась хотя бы искра надежды на Искупителя мира. Тогда Церковь молится и «о иже во аде держимых», по слову Василия Великого. Общий закон спасения выражен в словах Господа: «В чем застану, в том и сужу».

Таковы общие основания для суждения о том, можно ли молиться за души самоубийц. Но относительно самоубийц святой Тимофей, епископ Александрийский, на вопрос: «Аще кто, будучи вне себя, подымет на себя руки или повержет себя с высоты, за такового должно ли быти приношение (литургия) или нет?» — отвечает: «О таком священнослужителе должен рассудити, подлинно ли будучи вне ума, соделал сие. Ибо часто близкие к пострадавшему от самого себя, желая достигнути, да будет приношение и молитва за него, неправдуют и глаголют, яко был вне себя. Может же быть, яко соделал сие от обиды человеческой, или по иному какому случаю от малодушия: и о таком не подобает быти приношению, ибо есть самоубийца. Посему священнослужителю непременно должен со всяким тщанием испытывати, да не подпадет осуждению». Вот единственное исключение, допускающее молитву церковную за самоубийцу!

Самоубийства участились в последнее время до крайности, особенно среди молодежи. Полагаться на решение врачей, нередко и в Бога не верующих, нельзя: ведь такие

врачи вовсе не обязаны входить в суждение по существу с духовной точки зрения о том, был ли самоубийца в состоянии острого помешательства и вне ума в момент совершения преступления; их забота хотя несколько успокоить живых, скорбящих родственников покойника,— и вот обычно они все самоубийства приписывают острому помешательству.

Невольно думаешь: как же наша жизнь далеко уклонилась от того пути, какой ей указывается Церковью! Ведь выходит, что родственники самоубийцы как будто насильно, вопреки воле Самого Господа, который управляет Церковью и чрез иерархию указывает ей правило жизни, хотя — да будет позволено так выразиться — втолкнуть несчастного в Царство Небесное!..

Есть еще одна сторона вопроса о молитве за самоубийц, которую обыкновенно упускают из виду, хотя она едва ли не важнее всех теоретических суждений, которые, может быть, так сказать, в самой основе-то своей на нее и опираются. Эта сторона, так сказать, мистическая.

Помнить надо: что такое Церковь в своей сущности? По учению великого апостола Павла, она есть живое тело Христа Спасителя, коего Он Сам и есть Глава, а все верующие — члены, так сказать, живые клеточки сего великого организма, одушевляемого Духом Божиим. Молитва, по выражению покойного А. С. Хомякова, есть кровь Церкви, своим обращением привлекающая благодатные силы к обновлению всего организма. Она есть и дыхание любви, объединяющей всех верующих со Христом и во Христе. Любовь движет молитву, приводит ее в действие. Любовь приводит в соприкосновение душу молящегося с душою того, за кого она молится. Но сие соприкосновение бывает целительно для последнего только тогда, когда он еще не умер для тела Христова, когда он составляет еще живую клеточку сего тела, то есть не потерял общения со Христом, хотя он и болеет, хотя и не очищен от греховной нечистоты, но ушел отсюда с верою в молитвы Церкви, с надеждою воскресения во Христе. Тогда молитва любви, восходя к Искупителю мира, несет от Него исцеляющую благодать душе почившего, благодать, изливаемую любовью Христовой к тому, кто не потерял еще веры в искупительную силу крови, пролианной за него на Кресте. Такая молитва и Господу угодна, как жертва любви за почившего, и для молящегося полезна, как животворящее дело его любви, как исполнение заповеди Господней. Такая молитва сливается с молитвою самой Церкви, молитвою — дерзну сказать —

Самого Господа, яко Ходатая Нового Завета, яко Главы Церкви. Соединенная с Таинством Евхаристии, она проникает Небеса и отверзает двери милосердия Божия к почившим в вере нашим братьям и Кровию Господа омывает их грехи. *Отмый, Господи, грех зде поминавшихся Кровию Твоею честною, молитвами святых Твоих,* — молится Церковь, когда опускаются частицы, вынутые за живых и умерших, в кровь Господню. Теперь примените сию мысль к тому несчастному, кто отсечен от Церкви невидимым судом Божиим за смертный грех отчаяния, в каком он умер как самоубийца.

Может ли принести пользу такому, уже мертвому, члену Церкви, уже отсеченному от нее, молитва за него, хотя бы это была молитва всей Церкви? Конечно, не может. И причина тому не вне сего несчастного, а в нем самом, в том настроении, в каком он перешел в другую жизнь... А перемена настроения... там, в другом мире, невозможна, если не было зачатка такой перемены в сей жизни.

Бог насильно не спасает. Это — первое. Второе: невыносим свет для глаз болеющих. Невыносимо приближение к Богу для души, умершей в грехе нераскаянном. Кто знает? Может быть, наша молитва о человеке, умершем в состоянии ожесточения, будет только еще больше тревожить и усиливать в нем враждебные чувства к Богу... По крайней мере, относительно злых духов известно, что и сих отверженцев Господь готов был бы принять, но они сами того не желают в ожесточении своей гордыни. Посему вместо пользы молитва за того, кто ушел отсюда в нераскаянном грехе отчаяния и хулы на Бога, может и ему принести вред, и тому, кто за него молится.

Вред такому молитвеннику возможен еще и с другой стороны. Молитва не есть простое словесное ходатайство за другого, как иногда это бывает между людьми. Нет. Когда мы молимся за ближнего, молимся не языком только, не словами, а и сердцем, то воспринимаем память о душе его в свою душу, в свое сердце; воспринимаем по любви к нему и те скорби, какими он отягощен, и, уже как бы от своего лица вознося их к Господу, умоляем Его благость о помиловании или ниспослании ему спасающей благодати. Чем сердечнее и искреннее такая молитва, тем большую милость Господню она может известить душе того, за кого молимся. И чем ближе нам человек этот, чем больше питаем мы к нему чувства любви, тем сердечнее бывает и молитва наша о нем. И если он жил на земле благочестиво и богоугодно, то, вспоминая в

молитве его душу, тесно соприкасаясь, объединяясь с нею, мы незаметно делаемся как бы причастниками и той благодати, какая присуща была этой душе при жизни на земле, и тем добрым свойствам, коими она была украшена.

Но совсем другое дело, когда молишься за человека, который всю жизнь свою грешил тяжкими смертными грехами и не подумал об очищении их покаянием. Тут уже не отраду вливает молитва, а, напротив, сообщает молящемуся тягость, смущение, беспокойство. Да так оно и должно быть. Воспринимая память о душе усопшего, молящийся вместе с тем делается как бы общником и его душевного состояния, входит в область его душевных томлений, соприкасается его грехам, не очищенным покаянием, берет на себя и долю его душевных страданий.

Но мне скажут: как удержаться от такой молитвы — особенно человеку, который был связан с самоубийцей узами кровного родства или был очень близок к нему по духу любви — как удержаться от того, чтобы излить свою душу пред Отцом Небесным? Как не возвестить Ему печали своего сердца?..

Но это — совсем другое дело. Никто не может запретить лично каждому из нас «изливать свою душу» в молитве пред Господом, «поведать Ему печали свои»: это — не одно и то же с молитвенным ходатайством за покойника. Мудрые, духовно опытные и обладавшие даром рассуждения старцы-подвижники удовлетворительно дают на это ответ. Так, известный Оптинский старец Леонид, скончавшийся в 1841 году, дал такое наставление своему ученику (Павлу Тамбовцеву), обратившемуся к нему за утешением по случаю полученного им известия о смерти отца, последовавшей от самоубийства: «"Вручай как себя, так и участь своего родителя воле Господней, премудрой, всемогущей. Не испытывай Вышнего судеб. Тщися смиренномудрием укреплять себя в пределах умеренной печали. Молись преблагому Создателю, исполняя тем долг любви и обязанности сыновней".

"Но каким образом молиться за таковых?" — спросил послушник.

"По духу добродетельных и мудрых так: Взыщи, Господи, погибшую душу отца моего и, аще возможно, помилуй! Незиследимы судьбы Твои. Не по-стави мне в грех сей молитвы, но да будет святая воля Твоя!

Молись же просто, без испытания, предавая сердце твое в десницу Вышняго. Конечно, не было воли Божией на столь горестную кончину родителя твоего: но ныне он совершенно в воле Могущего и душу и тело ввергнуть в пещь огненную, Который и смиряет и высит, мертвит и живит, низводит во ад и возводит. При этом Он столь милосерд, всемогущ и любвеобилен, что благие качества всех земнородных пред Его высочайшей благодатью — ничто. Для сего ты не должен чрезмерно печалиться. Ты скажешь: "Я люблю моего родителя, почему и скорблю неутешно". Справедливо. Но Бог без сравнения более, чем ты, любил и любит его. Значит, тебе остается предоставить вечную участь родителя твоего благодати и милосердию Бога, Который, если соизволит помиловать, то кто может противиться Ему?"»

Так учил и утешал богомудрый старец своего ученика, бывшего в печали и скорби великой.

В этом наставлении и для каждого христианина, находящегося в подобном положении, есть много утешительного, успокаивающего душу в предании и себя, и покойника в волю Божию, всегда благую и премудрую... И верный, смиренный сын Церкви не станет требовать от Церкви большего.

Наставления, как молиться о самоубийцах

Оптинские старцы разрешали на келейной молитве помянуть даже самоубийц, за которых по 14 правилу Тимофея Александрийского не может быть приношения в Церкви.

Преподобный Амвросий Оптинский писал одной монахине: «По церковным правилам помянуть самоубийцу в церкви не следует, а сестра и родные могут молиться о нем келейно, как старец Леонид разрешил Павлу Тамбовцеву молиться о родителе его. Выпиши эту молитву... и дай ее родным несчастного. Нам известны многие примеры, что молитва, переданная старцем Леонидом, многих успокаивала и утешала и оказывалась действительной пред Господом».

О нашей отечественной подвижнице схимонахине Афанасии повествуется, что она, по совету Дивеевской блаженной Пелагеи Ивановны, трижды постилась и молилась 40 дней, прочитывая ежедневно по 150 раз молитву «*Богородице Дево, радуйся*» за своего в пьяном виде повесившегося брата и получила откровение, что по ее молитве брат освобожден от мучений.

Поминовение усопших, по смирению и за послушание Святой Церкви перенесенное на нашу домашнюю и келейную молитву, будет ценнее в очах

Божиих и отраднее для усопших, чем совершенное в храме, но с нарушением и пренебрежением уставов церковных.

Особенное внимание должно быть обращено на совершение в память усопших милостыни, которая, по словам праведного Товита, избавляет от смерти и не допускает сойти во тьму...

И ветхозаветные люди творили милостыню в память усопших, но только с некоторыми ограничениями. *Раздавай хлебы твоя при гробе праведных,* — наставляет сына праведный Товит, — *но не давай грешникам* (Тов. 4, 17). Всеобъемлющая христианская любовь уничтожает эти рамки. Прп. Федор Студит советует творить милостыню и за еретиков, а Оптиные старцы заповедают то же делать и за самоубийц.

Инок Максим (Смирнов)

Не уходи из жизни

Как удержать от греха самоубийства?

Художественное оформление И.А. Шкаровской

Издательство «САТИСЬ»,
лицензия ИД № 05426 от 20.07.2001 г.
Межрегиональный фонд «ДЕРЖАВА»,
лицензия ИД № 02981 от 06.10.2000 г.
199034, Санкт-Петербург, В.О., Большой пр., 8/4, лит А.
Тел./факс (812) 323-63-42.
e-mail: satis-redakt@yandex.ru www.satis.spb.ru
Отдел сбыта 305-07-78, 323-63-21.
e-mail: satis@pop3.rcom.ru
Представительство в Москве:
(495) 956-36-14.

Подписано в печать 02.10.2007 г.
Формат 60x88/16. Печ. л. 4. Тираж 15 000 экз.
Зак. № 682

**Суицид — это яркий фонарь,
который высвечивает, вырывает из полумрака
обыденности и людской теплохладности
основные истины Православия.**

**В этой самой горячей точке духовной брани,
в ее эпицентре, отвоевываются
или проигрываются основные ценности,
решаются важнейшие проблемы.**

**Здесь сталкиваются самые веские
«за» и «против» в отношении веры
и неверия, и опытно подтверждаются
непреложные ценности христианства.**